

И.А. Недугова

ИНТЕНЦИОНАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ОПЫТА

Аннотация. Предметом исследования является предметно-энергичная структура сознания. Целью работы является разработка механизма обнаружения онто-гносеологических оснований предметного сознания как средства конструктивного преодоления искажённых форм Я в человеческом бытии. Построение целостной структуры сознания представит возможность проведения гносеологического и онтологического анализа предметного детерминизма культуры и сознания. Определено, что формирование целостного ядра идентичности человеческого Я должно быть сформировано на учитывании «здесь-бытие», т.е. должно быть построено на базисе рефлексии учитывающей контекст, включающей в себя максимально идеальное, отстранённое от привычного понимания мышления. Идентичность предполагает преодоление «притяжения предмета» и при этом становления Я над ним как постоянное нахождение и высшего порядка (идентичности четвёртого порядка). Методологическими основаниями исследования выступают: феноменологический метод (М. Хайдеггер), метод герменевтического круга (Э. Гуссерль), диалектический метод, метод системного анализа.

Результат исследования включает в себя выявление форм искажения предметного ядра идентичности человеческого Я как условие формирования иллюзорного сознания. В качестве вывода представлена модель философской рефлексии над иллюзорным сознанием. Сформирована модель концепции предметно определённого бытия, применимую в философских, культурологических, социально-философских и других гуманитарных исследованиях для анализа культурных процессов и процессов, происходящих в трансформации предметной идентичности человеческого Я.

Ключевые слова: предметность, Я, идентичность, герменевтический круг, культура, сознание, бытие, иллюзия, рефлексия, интенциональность.

Abstract. The subject of this research is the objective-energy structure of consciousness. The goal of this work is the formulation of the mechanism of determination of the onto-gnoseological grounds of objective consciousness as the means of constructive overcoming of the distorted forms of "Self" in human existence. The establishment of the integral structure of consciousness will provide an opportunity of conducting a gnoseological and ontological analysis of the objective determinism of culture and consciousness. It is defined that the formation of the holistic core of identity of the human Self must be built on the basis of reflection that considers context, includes a maximally ideal and distracted from the usual perception thinking. The identity suggest overcoming the "attraction of subject" and simultaneous establishment of the Self upon it as the permanent presence and highest order (identity of the fourth order). The result of this research consists in revelation of the forms of the distorted objective core of identity of the human Self as the condition for formation of the illusory consciousness. The author formulates the model of the concept of the objectively determined existence, which is applied in philosophical, culturological, socio-philosophical, and other humanitarian studies for the analysis of cultural processes, as well as processes emerging in transformation of the objective identity of the human Self.

Key words: Intentionality, Reflection, Illusion, Existence, Consciousness, Culture, Hermeneutic circle, Identity, Self, Thingness.

Проблема интенциональности сознания является одной из актуальных в философии. Первоначально понятие интенции было введено в Средневековье и использовалось для обозначения перехода природы Божественного в материальное.

С появлением феноменологии понятие интенциональность сознания приобрело статус мыслительной операции. Ф. Brentano в работе «Психология с эмпирической точки зрения» пишет: «В представлении нечто представляется, в сужде-

нии нечто признаётся или отрицается, в любви – любит, в ненависти – ненавидит, в желании – желает» [1, с. 124]. «Интенциональность, – продолжает он, – есть то, что характеризует сознание в точном смысле этого слова» [1, с. 125]. Проблема интенциональности, понимаемой более широко, чем интенциональность сознания, является сегодня одной из важнейших, и притом крайне сложных, научных проблем.

Он определял интенциональность как «свойство психического феномена, которое характеризу-

ет отношение феномена к его содержанию, а именно направленность психики на имманентную ей предметность. Интенциональность сознания означает, в сущности, предметность всякого акта сознания, т.е. непреходящую соотнесённость с каким-либо определённым предметом (будь то предмет реальный или воображаемый) [1, с. 124]. «Интенциональность, – пишет он, – есть то, что характеризует сознание в точном смысле этого слова» [1, с. 125].

Л. Витгенштейн в работе «Заметки о философии психологии» писал: «...интенция не есть то или иное душевное состояние, она не является восприятием или представлением» [2, с. 77]. В то же время интенцию нельзя рассматривать и в качестве состояния сознания, поскольку она не имеет длительности. Сам Л. Витгенштейн считает интенцию по своей природе душевной установкой, которая постоянно влияет на все психологические процессы, в том числе и на процессы сознания.

Э. Гуссерль в работе «Философии арифметики», рассматривая сущность чисел, впервые применяет интенциональность в качестве методологического принципа, что выражается в том, что его интересуют те переживания сознания, в которых конституируется понятие числа. Обращаясь к понятию «множество», Э. Гуссерль указывает на необходимость исследования спонтанной психической деятельности, лежащей в основе образования чисел, («феноменологическо-конститутивным») [3, с. 76].

Э. Гуссерль определял интенциональность как основополагающий фактор, который, собственно, и конституирует сознание, интенциональный же анализ им расценивается в качестве универсальной философской методологии, противоположной научному, каузальному способу исследования.

В качестве гипотезы для данного этапа исследования мы определяем, что культура для сознания выступает как внешняя предметная форма.

Феноменология Э. Гуссерля и герменевтика М. Хайдеггера способствовали тому, что интенциональный анализ постепенно становится основным методом изучения сознания, а сама интенциональность начинает рассматриваться в качестве той характеристики сознания, которая не только отсылает нас к объекту, но благодаря которой вообще появляется возможность говорить о конституировании познаваемого предмета. Основные разногласия в понимании интенциональности Э. Гуссерля и М. Хайдеггера заключались в понимании «бытия интенционального» (позиция М. Хайдеггера) [4]. В «Бытие и время» хайдеггеровская экзистенциальная аналитика (*Dasein*) должна была снять упущение Э. Гуссерля в понимании феноменологической экспликацией бытия интенциональ-

ности [6, с. 11]. Э. Гуссерль, согласно М. Хайдеггеру, понимал чистое сознание как «платоновское» идеальное сущее. В свою очередь Э. Гуссерль указывал на излишнюю «антропологизацию» хайдеггеровской позиции в отношении трансцендентального [6, с. 12]. Для Э. Гуссерля в понятие бытия дано самой данностью предмета акта предметного полагания (здесь Э. Гуссерль близок к критической философии И. Канта) [6, с. 14]. Таким образом гуссерлевская позиция в отношении интенциональности строится на принятии её в качестве силы, которая координирует и синтезирует самые многообразные акты сознания, лежащие в основе конституирования предметов. Наряду с исследованием теоретических актов сознания, Э. Гуссерля привлекают также оценивающие и волютативные акты сознания, в которых конституируется сфера этического. В обоих случаях методологической основой анализа является интенциональность.

Исследователь феноменологии Э. Гуссерля П.П. Гайденок так определяет интенциональность: «она является одновременно и активной и пассивной, в ней совпадает и действие и созерцание, в ней уже нет различия между теоретическим и практическим отношением: это различие характерно лишь для эмпирического мира» [9, с. 93].

Э. Гуссерль вводит, необходимый для анализа сознания, компонент – ноэму, которая выступает эквивалентом реальных объектов в сознании и выполняющая роль своеобразного посредника между интенциональными актами сознания и реальным предметом.

Э. Гуссерль указывает, что способ существования интенциональных объектов (ноэм) нельзя понимать по аналогии со способом существования реальных предметов или способом существования самого сознания, так как ноэмы по своей природе ирреальны. Феноменологическая редукция не ставит вопрос: существует ли предмет в действительности или нет, а рассматривает отношение сознания с предметом. «В значении, – писал Э. Гуссерль во втором томе «Логических исследований», – конституируется отношение к предмету. Следовательно, употреблять высказывание в соответствии со смыслом и при помощи высказывания вступать в отношение к предмету (представлять предмет) – это значит одно и то же» [7, с. 54].

Э. Гуссерль, в рамках феноменологического сознания, предлагал «исключить возможность редуцировать значение к какому-либо фактору, находящемуся вне плоскости самого значения» [8, с. 67].

П. Рикерт, рассматривая интенциональность Э. Гуссерля, писал: «Если выразиться яснее, “понятие ноумена есть только пограничное понятие,

служащее для ограничения притязаний чувственности». Следовательно, должен быть, в некотором смысле, абрис чувственности, точнее говоря, не чувственности как таковой, а эмпирического применения рассудка, позитивного и позитивистского его использования» [11, с. 77].

В критической философии И. Канта интенциональность предполагает гносеологическую «бесчувственность» субъекта чистого априорного теоретического. Интенциональность Э. Гуссерля есть «интуитивизм» восприятия. П. Рикерт в своей работе пишет: «...у Канта, а именно, объективности, конституированной “в” нас, и объективности, “обосновывающей” феномен. Вот почему тот мир, который в отношении своего смысла “для” меня (и “во” мне, в интенциональном смысле “во”), является также в отношении своего *Seinsgeltung*, “бытия-статуса”, миром “от” меня. Помимо этого, *erische* представляет собой такую меру бытия, которая, в свою очередь, не может быть измерена с помощью чего-либо ещё. Точка зрения Э. Гуссерля, связана с тем, что он смешивает проблемы сущего с наивным полаганием частных способов бытия в естественной установке. Подобное наивное полагание основано как раз на пропуске связи частных способов бытия с нами самими и возникает из *Anmassung* (предпосылки) чувственности, которая затрагивается Кантом. К тому же у Э. Гуссерля невозможно обнаружить то переплетение значений объективности, которое мы находим» [11, с. 88].

Таким образом, принимая положение, что культура для сознания выступает как внешняя предметность, интенциональность сознания по отношению к этой внешней форме не может быть построена с помощью какой-либо абсолютной позиции, а возможна только с учётом предметно-энергетического содержания. П. Рикерт называет «радикализированием» [12, с. 234].

Важнейшим постулатом феноменологии Э. Гуссерля является положение, что разум удостоверяет подлинность феноменов на основе лишь собственной своей собственной полноты.

Э. Гуссерль определяет истину через очевидность, а действительность через изначальность, тем самым, он устраняет проблему, характерную для философии И. Канта. Э. Гуссерль, противопоставляя феноменологию критической философии И. Канта, стремится не злоупотреблять неактуализированной мыслью. Его проблемы более не связаны с проблемой онтологического основания, они связаны с проблемой аутентичности субъективной жизни.

П. Рикерт пишет, что «Э. Гуссерль делает удивления на том, что сознание – это многообразие». Далее он отмечает следующую особенность гуссер-

левского понимания сознания: «Э. Гуссерль ещё не осознавал этот аспект “пассивности” сознания. Он рассматривает его скорее как обратную сторону сознания (как *hyle*) в отношении к интенциональной форме» [12, с. 246].

В «Идеях» Э. Гуссерль представляет эгологическую концепцию сознания. Э. Гуссерль разделяет «чистое эго» (наделённое качествами «трансцендентального») и психофизического эго и психическое эго. Э. Гуссерль постепенно приходит к установке, что сознание необходимо увязывать с синтезом, тем самым он, переходит от проблемы единства смысла к проблеме первичной установленности (*Urstiftung*), т.е. к проблеме укоренённости или обоснованности всякого смысла в очевидном актуальном субъективном процессе [6, с. 340].

Различие в понимании интенциональности у И. Канта и Э. Гуссерля, проявляется в выявлении ретенций и протенций темпорального конституирования *пред-метности*. В отличие от кантовской позиции у позднего же Гуссерля основание больше не связывается с восхождением к разуму, наоборот, оно строится на базе примордиальной предданности.

Решая поставленную задачу, определения границ интенционального опыта и соотношения его со структурой рефлексии, мы исходим из понимания рефлексивности как имманентной модификации интенционального.

Следует отметить, что проблема исследования интенциональной структуры рефлексии представляют собой исходное поле и критики разума у И. Канта и феноменологии разума у Э. Гуссерля.

Преодолевая классическую точку зрения, согласно которой, вещи содержали внутреннюю суть или ядро, критическая философия пришла к выводу, что подобного ядра не существует.

На основании аналитической рефлексии критическая философия перешла от рассмотрения вещей в терминах субстанциальности к рассмотрению их в терминах функций и отношений.

Сам термин *предмет*, буквально *пред-мета*, соотносится со словами: *раз-метка*, *от-мечать*. *Мета* тем самым становится указанием на нечто; следовательно, и предмет – это указатель. Вещи, являясь указателями, разметками диктуют индивиду внешнюю направленность, но прежде всего человеку нужно то напряжение, которое создаётся его направленностью, в процессе которого и происходит наделение уже внутренним, мотивационным смыслом (Е. Иванов) [13]. Направленность эта исходит из предметной стороны бытия. Каждый уровень предметности задаёт исключительный импульс направленности. Смещение предметных сторон бытия в сознании – приводит к иллюзорности, так

как априори качество источаемой энергии бытия возрастает с каждым следующим уровнем. Человек, преодолевая установленные им же барьеры, испытывает удовольствие, но при этом высвободившаяся энергия не всегда положительно направлена. Самоидентификация человека только с одной предметной стороной бытия и ожидания, связанные с воплощением других предметных форм в одной из них, как правило, провоцируют иллюзорность. Самоотрансценденция человеческой реальности в свою очередь выражается в «интенциональном» качестве человеческих переживаний. Переживания, принимаемые сознанием, требуют некой объективации (*о-смысления*). В данном случае речь идёт о системе значимых ориентиров, которые оборачиваются мотивами нашей деятельности и поведения, а также сохранения и воспроизведения самой нашей жизни (это именно система ориентиров, так как сосредоточенность на одном-единственном ориентире свидетельствует о существенной патологии).

Переживания становятся некими формами и приобретают значимость смысла жизни. Смысл жизни может быть субъективным или интерсубъективным, но никогда – объективным в смысле объективности как независимости от внутреннего мира. И наоборот, внутренний смысл жизни обязательно переносится онтологически на всеобщий порядок. Категориально осмысление неразрывно с целью, которая направляет деятельность. А в целом они собраны в «поле видимости» предметной деятельности человека, существенная особенность которой – то, что её предметом является она сама. «Сознательность (или *пред-определение* сознательности) – это не нечто вторичное по отношению к деятельности, это само определение предметной деятельности, коль скоро она направлена на саму себя, не совпадает сама с собой, исходно (предпсихологически) рефлексивна. Деятельность рефлексивна по своему определению, ещё до того, как мы непосредственно говорим о Сознании» (В.С. Библер) [14, с. 25]. Однако смысл и цель изначально не равны и не совпадают. Цель – образ желаемого будущего, а смысл – это значимость чего-либо для индивида, значимость эта может формироваться под воздействием вещественной стороны бытия. Тогда вещи оказываются *метами*, рассекающими целостную картину бытия на дробные части. Только в этом случае цель и средство совпадают, накладываются друг на друга в сознании. Этот процесс не только порождает иллюзорность, но и является патологичным для сознания, так как индивид вкладывает в конечное (вещь) смысл бесконечного, в имеющее определённую цену (символ) – бесценное. Придание смысла предметам всегда помеща-

ет индивида в систему отношений с окружающей действительностью, он всегда связан с «трансцендированием». Если изначально иллюзии сознания эндогенны, то рационализация, разъяснение для сознания – это проблема увязывания с внешним миром. Ссылка на долг, право, религию, общественный порядок, распространённую практику и есть в конечном счёте подмена желаемого необходимым. Смысл – это дискретное переживаемое сознанием состояние, способное быть объективированным посредством выражения во внешних кодификационных системах. Кодификационный характер систем являет себя прежде всего в своеобразных переживаниях и лишь потом осмысливается, получая отчётливый образ и понятийное выражение. Трансценденция не проходит дальше этих систем, так как изначально сознание попало в плен этих смещённых в предметном бытии отношений. Когда отрицается самоотрансценденция существования, само существование искажается. Оно овеществляется смыслом. Бытие сводится просто к вещи. Бытие человека деперсонализируется. И, что наиболее важно, субъект превращается в объект, т.е. происходит наделение характеристикой субъекта отношения к объектам. А характеристикой человека является то, что он относится к интенциональным объектам с точки зрения ценностей и смыслов, которые служат субъективными основаниями и мотивами. И наоборот, при возможности самоотрансценденции человек не имеет заранее определённой жёсткой программы жизнедеятельности, а реализует себя в той или иной степени свободно, руководствуясь теми или иными нравственными запретами и предписаниями. Он способен различать добро и зло и принимать решения за себя и других на основе ответственности и своей совести. Человек в своей деятельности выходит за рамки утилитарных потребностей, круга повседневных забот, преодолевая даже в самые трудные времена ограниченность своего существования. Человеческая жизнь не имеет какого-либо заранее заданного смысла, который, очевидно, нужно искать не в прошлом, не в ретроспекции, а в настоящем и будущем. «Смысл создаётся человеком, творится им каждый миг» (В. Франкл) [15, с. 171].

Особое значение для человека принимают категории (предельные знаки), универсалии (рассмотрено К. Ясперсом) [16]. Категории затрагивают круг жизненно важных понятий. В сознании может одновременно содержаться несколько уровней категориальности. Категории определяют смысл жизни индивида. Категориальность включает в себя непосредственно онтологическую сторону человеческой жизни (понятие жизни и смерти, смысла

жизни). *Непредельно знаковые* предметности переживаются в сознании совсем иначе, чем предельно знаковые. Но, как правило, в сознании грань между ними почти неразличима. Внутреннее смыслообразование человеческой жизни облекается в форму *непредельно* знаковой предметности – знаки, образующие язык. В предельной знаковости мы поднимаемся над всеми другими переживаниями, достигая предельно возможной универсальности. Например, перед лицом смерти, как правило, отходят на второй план или вовсе теряют значение другие формы предметной стороны бытия.

Любое переживание витально, пере-*живание* напрямую связано с жизнью. Переживаемая предметность затрагивает за живое. Обратимся к словарю: «Переживание – любое испытываемое субъектом эмоционально окрашенное состояние; явление действительности, непосредственно представленное в сознании субъекта и выступающее для него как событие его собственной жизни» [17, с. 167].

Именно поэтому предметность одновременно является необходимой составляющей сознания и определяет во многом жизненные горизонты человека. Предметное бытие человека получает градацию на основании различных средств культуры, которые в свою очередь задают различный тип предметного бытия. С каждым типом предметного бытия сопряжено определённое переживание.

Отношение к вещам переживается совсем иначе, чем переживание, связанное с символом вещи. Цветок воспринимается как прекрасный предмет, но цветок, подаренный в особых обстоятельствах, символизирует отношения между людьми. Это уже не любой цветок, а конкретный предмет, наделённый в нашем сознании особым смыслом. Символ задаёт более высокий уровень универсальности, чем орудие, а следовательно, и раскрывает больший диапазон переживаний. Эти переживания, затрагивая глубинные стороны человеческого бытия, являются для человека более значимыми, чем переживания от вещи. Съеденный завтрак забудется через несколько минут, а завтрак в кругу семьи или с любимым человеком обретёт иное, символическое значение. Как правило, мы различаем отношение к перечисленным типам предметного бытия. Но различие проявляется только тогда, когда с этими сторонами предметного бытия не связано наше переживание. Для ничего не значащего для нас предмета или символа нам легко найти место в предметной иерархии бытия. И при этом каждое переживание составляет необходимую часть человеческого бытия.

Преодоление этого противоречия возможно посредством мышления. Мышление – процесс отражения объективной действительности, составляющий

высшую ступень человеческого познания. «Хотя мышление имеет своим единственным источником ощущения, оно переходит границы непосредственно-чувственного отражения и позволяет получать знание о таких объектах, свойствах и отношениях реального мира, которые не могут быть непосредственно восприняты человеком» (К. Маркс) [18, с. 20]. Если мы рассматриваем мышление как гетерогенную многоуровневую структуру, в своих начальных уровнях связанную с другими составляющими психики, мы следуем картезианскому представлению. Как писал Декарт, словом *мышление (cogitatio)* следует обозначать «всё то, что происходит в нас таким образом, что мы воспринимаем его сами собой; и потому не только понимать, желать, воображать, но также и чувствовать означает здесь то же самое, что и мыслить» (Р. Декарт) [19]. На основе такого понимания мышления вся сфера психологического отождествляется с сознанием. В итоге высказывания обычно противопоставляемых во взглядах психiatров оказываются лишёнными противоречий. Говоря, что мышление определяет всё содержание сознания, мы соглашались с Е.В. Шороховой [20], согласно которой сознание есть «весь душевный мир человека от элементарных ощущений до высших побуждений и сложнейшей интеллектуальной деятельности». Мы также в полной мере можем согласиться и с высказыванием А.А. Меграбяна, который отмечал, что содержание сознания представимо в чувственно-предметных, логически-мыслительных и адекватно-поведенческих компонентах, т.е. именно в тех формах познания, которые представляют собой разные формы мышления [21]. В таком, самом общем, определении сознание совпадает с разрабатываемым Ф.В. Василюком понятием *переживание* [22]. В переживании объединяются непосредственно данные субъекту, но разделяемые в академической психологии модальности (чувства, память, мышление), проявляется их связность, предметность психического функционирования, «организация чувственных данных настоящего момента», что является одной из существенных характеристик сознания [22, с. 167].

Предметность и предметная деятельность так или иначе неизбежно транслируются во всех видах деятельности человека, но только замкнутость в этом предметном круге (предметно-знаковом – символическом) становится основой иллюзорности сознания. Некоторые объекты представляются в сознании только как объекты, но при этом они же при других условиях и вне зависимости от того, как они воспринимаются, могут характеризовать в нашем сознании как совсем иные (иначе «окрашенные»), потенциально «другие» предметы. Таким образом,

в естественной установке повседневной жизни нас занимают лишь некоторые объекты, находящиеся в соотношении с другими, ранее воспринятыми, образующими поле самоочевидного, не подвергающегося сомнению опыта. Результат избирательной активности нашего сознания – выделение индивидуальных и типических характеристик объектов.

Однако особенностью переживания человека является то, что в процессе жизненной практики в сознании постоянно совершается переход от одного уровня универсальности к другому. Это закономерный процесс, который зависит от множества условий: конкретно сопутствующей реальной обстановки, социального влияния потребностей, целеполаганий самого человека. Содержание сознания лишь тогда превращается в мировоззрение, когда оно приобретает характер убеждения, полной и непоколебимой уверенности человека в правоте своих идей. Процесс превращения взглядов в убеждения сопровождается всё большей степенью доверия к их содержанию, смыслу. Убежденность проявляется через осуществление воли как способности к выбору деятельности и усилиям по ее осуществлению. Для волевого акта характерно переживание «я должен», осознание ценностей характеристики своего выбора. Знания находятся в известном противоречии с ценностями, так как могут быть использованы во благо или зло. Одной из причин иллюзорности с точки зрения Н.А. Бердяева является «рабство» человека у вещи, или «захваченность» одной из предметных сторон бытия [23]. Человеческое сознание, «прислоняясь» к предмету, начинает воспринимать реальность с позиции только этого предмета. Единичное, будучи частичным в восприятии, начинает брать на себя функцию единственно верного; аналогия обращается доказательством; образы конкретных предметов воспринимаются как основание истинности; материал познания представляется символами, которые функционируют как понятия. Попытка выдать частное через целое и наоборот приводит к искажению сознания. Следовательно, видовым признаком различения иллюзорного и неиллюзорного сознания является полнота осознания.

В сознании может возникать замена абстрактного (идеи, символа) на конкретное, например, престиж выражается в обладании определённой вещью или любовь определяется денежным эквивалентом и т.д. При этом именно конкретность и «закрывает» горизонты становления абстрактного, при таких условиях и возникает иллюзорность сознания.

Одно из определений сознания основывается на тезисе, что сознание – это отношение человека к миру через знание, посредством знания, при этом

подразумевается не только абстрактное, но и сенсуальное знание о мире [24]. Исходя из этого определения, сознание человека следует в познании за миром. Пространство бытия человека предметно и определено самим пространством человеческого бытия. Предметности бытия могут существовать в различных формах: вещественно-орудийной, знаковой, символической (концепция К. Ясперса) [16]. Формирование предметности бытия происходит постепенно в ходе становления культуры. Следовательно, сознание попадает под воздействие культурных универсалий. Многообразие форм мира увлекает сознание, но если в сознании одна из предметных сторон подменяется другой или вообще заменяет собой все другие предметности, то сознание теряет возможность всестороннего познания, что Н.А. Бердяев определил как «рабство» [23]. Так, например, в современном мире становится модным «возврат к природе». Поиски пути «возврата» предполагают обращение к природе как символу чистоты. Но при этом подменяется смысл бытия на символ природного (символизируются конкретные вещи). Происходит замена одной предметности на другую, что приводит к иллюзии.

Бесспорно, человек зависим от предметной стороны бытия. И. Кант писал: человек – «дитя двух миров», «место пересечения жизни и духа» [10]. То же имел в виду С.Н. Булгаков, говоря об «изначальном двойстве природ в человеке» [25], а Н.А. Бердяев – о «пересечении в человеке двух миров» [23]. Принадлежность к чувственно воспринимаемому миру делает человека игрушкой внешней причинности, здесь он подчинён посторонним силам – законам природы и общества. Но как член ноуменального мира «вещей самих по себе» он наделён свободой. Эти два мира – не антимир, они взаимодействуют друг с другом. Но одностороннее, однозначное рассмотрение человека и его потенциала тоже может привести к иллюзорности сознания. Однако преодоление замкнутости своей экзистенции по отношению к внешнему миру возможно лишь посредством творческой реализации *меня в мире и мира во мне*, что требует от человека значительных волевых, умственных, эмоциональных и духовных затрат. Если же способность к творческой (в смысле изначального потенциала человека) реализации человека в мире отсутствует и личность не в состоянии её развить, возможен глубокий кризис существования. Нежелание мириться с собственной замкнутостью и бессилием, с одной стороны, и неспособность к духовному совершенствованию – с другой, вынуждают человека искать выходы из этой тупиковой ситуации. В идеале наиболее адекватным выходом из неё должно служить естественное стремление

человека к развитию собственных продуктивных ориентаций, борьба за себя и мир на уровне духа. В противном случае личность встаёт на путь псевдорешений, обрекая себя на неизбежную деградацию. Эта деградация может протекать в формах алкоголизма и наркомании, может закончиться суицидом или, что вполне сопоставимо, принять форму стимуляции монетаристской психологии.

Заключение

Определяя интенциональность сознания как предметность всякого отношения *Я* и предмета, выявляется принцип соотношения рефлексии и модификаций интенционального.

Предметность имманентно валяет и внутреннюю структуру опыта и определяет отношения *Я* с культурой. Предметное бытие человека получает градацию на основании различных средств культуры, которые в свою очередь задают различный тип предметного бытия. С каждым типом предметного бытия сопряжено определённое переживание.

Выявлено, что диалектическое единство опредмечивание-распредмечивания раскрывается во взаимодействии сознания и культуры как процесс выстраивания и считывания предметных уровней бытия человека.

Сознание человека и культура жёстко детерминированы, и сознание, и культура предметно определены.

Список литературы:

1. Brentano Ф. Избранные работы / Сост., пер. с нем. В. Анашвили. М.: Дом интеллектуальной книги, Русское феноменологическое общество, 1996. 176 с. С. 124-125.
2. Витгенштейн Л. Заметки о философии психологии. Т. 1 / Пер. с нем. С.Д. Латушкина; под ред. В.В. Анашвили. М.: Дом интеллектуальной книги, 2001. 192 с. С. 77-89.
3. Husserl E. Philosophie der Arithmetik : Psychologische und logische Untersuchungen. Halle a. S.: Pfeffer, 1891. S. 70-79, 290.
4. Хайдеггер М. Бытие и время. М.: Республика, 1993. 445 с. С. 8-34, 100-140.
5. Хайдеггер М. Вещь / Пер. В.В. Бибихина. М.: Республика, 1993. 447 с. [Электронный ресурс] URL: <http://philosophy.ru/library/heideg/th.html>.
6. Гуссерль Э. Избранные работы / Сост. В.В. Анашвили и др.; сост. т. В.А. Куренной. М.: Территория будущего, 2005. 458 с. С. 11-20, 340-367.
7. Гуссерль Э. Логические исследования. Рига, 1988. 235 с. С. 8, 12-17, 22-34.
8. Гуссерль Э. Феноменология // Логос. 1992. № 1. С. 67-98.
9. Гайдено П.П. Проблема интенциональности у Гуссерля и экзистенциалистская категория трансценденции // Современный экзистенциализм. М.: Мысль, 1966. С. 77-107. [Электронный ресурс] URL: http://psylib.org.ua/books/_gaidp01.htm.
10. Кант И. Критика чистого разума; Критика способности суждения // Кант И. Соч. на немецком и русском языках: в 6 т. М., 2001. Т. 2, ч. 1. С. 5-56; Т. 3. С. 67; Т. 4. С. 4-28. [Электронный ресурс] URL: <http://philosophy.ru/library/kant/03/0.html>.
11. Рикёр П. Труды: Повествовательная идентичность. С. 77, 88. [Электронный ресурс] URL: http://read.newlibrary.ru/read/riker_p_/page0/trudy.html.
12. Рикёр П. Конфликт интерпретаций: Очерки о герменевтике / Пер. с фр. И.С. Вдовина. М.: Канон-Пресс-Ц; Кучково поле, 1995. (Переизд. в 2002). 624 с. С. 234-246.
13. Иванов Е.М. Онтология субъективного. (Исправленная и дополненная электронная версия издания: Иванов Е.М. Онтология субъективного. Саратов: Изд. центр «Наука», 2007. 200 с.). С. 90, 110. [Электронный ресурс] URL: <http://www.proza.ru/2011/02/09/882>.
14. Библер В.С. Самостояние человека. «Предметная деятельность» в концепции Маркса и самодетерминация индивида. Кемерово, 1993. 325 с. С. 25, 78, 79-83.

Определено, что приобщённость только к одному из предметных уровней есть одна из характеристик нарушения предметной идентичности бытия человека и способствует формированию иллюзорного, пограничного и искажённого состояния сознания.

В качестве предварительной гипотезы мы принимаем положение, что рефлексия над искажённой предметной идентичностью человеческого *я* должна содержать в себе возможность отделить себя от окружающего мира, превратив его в объект. Это позволит преодолеть «захваченность» предметом и витальность переживания.

Сложность рефлексии над искажённой предметной идентичности человека заключается в том, что направленность предметной стороны бытия задаёт исключительный импульс, «захватывающий сознание».

Мы придерживаемся позиции, что успешность акта рефлексии над искажённой предметной идентичностью человека возможна только при опоре данного опыта на субстанциональную категорию (*непредельных знаков*). Данные категории затрагивают круг жизненно важных понятий и строятся не на отношении с самим предметом, а отношении на основании предметного уровня. В сознании может одновременно содержаться несколько уровней категориальности. *Непредельно знаковые* предметности переживаются человеком как онтологическое и витальные категории.

15. Франкл В. Человек в поисках смысла: Плюрализм науки и единство человека. М.: Прогресс, 1990. 430 с. С. 171.
16. Ясперс К. Общая психопатология // Логос. 1994. № 5. С. 42-87.
17. Герменевтика // Философия: Энциклопедический словарь / Под ред. А.А. Ивина. М.: Гардарики, 2004. С. 167. [Электронный ресурс] URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/253/%D0%93%D0%95%D0%A0%D0%9C%D0%95%D0%9D%D0%95%D0%92%D0%A2%D0%98%D0%9A%D0%90.
18. Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч.: в 56 т. Изд. 2-е. М.: Изд-во. полит. лит., 1955-1981. Т. 20. С. 1-39.
19. Декарт Р. Избр. произв. М.: Госполитиздат, 1950. 712 с. С. 663.
20. Шорохова Е.В. Проблема сознания в философии и естествознании. М.: Изд-во соц.-экон. лит., 1961. 363 с. С. 351-354, 355-361.
21. Меграбян А.А. Личность и сознание: в норме и патологии. М.: Медицина, 1978. 176 с. С. 100.
22. Василюк Ф.Е. Психология переживания. Анализ преодоления критических ситуаций. М.: Изд-во Московского университета, 1984. С. 22, 167. URL: <http://psylib.org.ua/books/vasif01/>.
23. Бердяев Н.А. О рабстве и свободе человека. М.: Б-ка «Вехи», 2001. 569 с. С. 134.
24. Философия: Энциклопедический словарь / Под ред. А.А. Ивина. М.: Гардарики, 2004. С. 234.
25. Булгаков С.Н. Первообраз и образ: соч.: в 2 т. Т. 1. Свет невечерний. СПб.: ИНАПРЕСС; М.: Искусство, 1999. 416 с. С. 67.
26. Игнатенко А.С. Психоанализ и психоларкизм // Психология и психотехника. 2014. № 12. С. 1282-1292. DOI: 10.7256/2070-8955.2014.12.13347.
27. Шажинбатын А. Структурная антропология К. Леви-Стросса // Психология и психотехника. 2014. № 8. С. 803-812. DOI: 10.7256/2070-8955.2014.8.12572.

References (transliterated):

1. Brentano F. Izbrannye raboty / Sostavl., perev. snem. V. Anashvili. M.: Dom intellektual'noi knigi, Russkoe fenomenologicheskoe obshchestvo, 1996. 176 s. S. 124-125.
2. Vitgenshtein L. Zametki o filosofii psikhologii. T. 1 / Per. s nem. S.D. Latushkina; pod red. V.V. Anashvili. M.: Dom intellektual'noi knigi, 2001. 192 s. S. 77-89.
3. Husserl E. Philosophie der Arithmetik : Psychologische und logische Untersuchungen. Halle a. S.: Pfeffer, 1891. S. 70-90, 290.
4. Khaidegger M. Bytie i vremya. M.: Respublika, 1993. 445 s. S. 8-34, 100-140.
5. Khaidegger M. Veshch' / Per. V.V. Bibikhina. M.: Respublika, 1993. 447 s. [Elektronnyi resurs] URL: <http://philosophy.ru/library/heideg/th.html>.
6. Gusserl' E. Izbrannye raboty / Sost.: V.V. Anashvili i dr; sost. t. V.A. Kurennoi. M.: Territoriya budushchego, 2005. 458 s. S. 11-20, 340-367.
7. Gusserl' E. Logicheskie issledovaniya. Riga, 1988. 235 s. S. 8, 12-17, 22-34.
8. Gusserl' E. Fenomenologiya // Logos. 1992. № 1. S. 67-98.
9. Gaidenko P.P. Problema intentsional'nosti u Gusserliya i ekzistsentsialistskaya kategoriya transtsendentsii // Sovremenniy ekzistsentsializm. M.: Mysl', 1966. S. 77-107. [Elektronnyi resurs] URL: http://psylib.org.ua/books/_gaidp01.htm.
10. Kant I. Kritika chistogo razuma; Kritika sposobnosti suzhdeniya // Kant I. Soch. na nemetskom i russkom yazykakh: v 6 t. M., 2001. T. 2, ch. 1. S. 5-56; T. 3, s. 67; T. 4. S. 4-28. [Elektronnyi resurs] URL: <http://philosophy.ru/library/kant/03/0.html>.
11. Riker P. Trudy Povestvovatel'naya identichnost'. S. 77, 88. [Elektronnyi resurs] URL: http://read.newlibrary.ru/read/riker_p_/page0/trudy.html.
12. Riker P. Konflikt interpretatsii: Ocherki o germenevtike / Per. s fr. I.S. Vdovina. M.: Kanon-Press-Ts: Kuchkovo pole, 1995. (Pereizd. v 2002). 624 s. S. 234-246.
13. Ivanov E.M. Ontologiya sub'ektivnogo. (Ispravlenaya i dopolnennaya elektronnyaya versiya izdaniya: Ivanov E.M. Ontologiya sub'ektivnogo. Saratov: Izd. tsentr «Nauka», 2007. 200 s.) S. 90, 110. [Elektronnyi resurs] URL: <http://www.proza.ru/2011/02/09/882>.
14. Bibler V.S. Samosostoyanie cheloveka. «Predmetnaya deyatel'nost'» v kontseptsii Marksa i samodeterminatsiya individa. Kemerovo, 1993. 325 s. S. 25, 78, 79-83.
15. Frankl V. Chelovek v poiskakh smysla: Plyuralizm nauki i edinstvo cheloveka. M.: Progress, 1990. 430 s. S. 171.
16. Yaspers K. Obshchaya psikhopatologiya // Logos. 1994. № 5. S. 42-87.
17. Germenevtika // Filosophiya: Entsiklopedicheskii slovar' / Pod red. A.A. Ivina. M.: Gardariki, 2004. S. 167. [Elektronnyi resurs] URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/253/%D0%93%D0%95%D0%A0%D0%9C%D0%95%D0%9D%D0%95%D0%92%D0%A2%D0%98%D0%9A%D0%90.
18. Marks K., Engel's F. Sobr. soch.: v 56 t. Izd. 2-е. М.: Изд-во. полит. лит., 1955-1981. Т. 20. С. 1-39.
19. Dekart R. Izbr. proizv. М.: Gospolitizdat, 1950. 712 s. S. 663.
20. Shorokhova E.V. Problema soznaniya v filosofii i estestvoznanii. М.: Изд-во sots.-ekon. lit., 1961. 363 s. S. 351-354, 355-361.
21. Megrabyan A.A. Lichnost' i soznanie: v norme i patologii. М.: Meditsina, 1978. 176 s. S. 100.
22. Vasilyuk F.E. Psikhologiya perezhivaniya. Analiz preodoleniya kriticheskikh situatsii. М.: Изд-во Moskovskogo universiteta, 1984. S. 22, 167. [Elektronnyi resurs] URL: <http://psylib.org.ua/books/vasif01/>.
23. Berdyayev N.A. O rabstve i svobode cheloveka. М.: Б-ка «Vekhi», 2001. 569 s. S. 134.
24. Filosophiya: Entsiklopedicheskii slovar' / Pod red. A.A. Ivina. М.: Gardariki, 2004. S. 234.
25. Bulgakov S.N. Perwoobraz i obraz: soch.: v 2 t. Т. 1. Svet nevechernii. SPb.: INAPRESS; М.: Iskusstvo, 1999. 416 s. S. 67.
26. Ignatenko A.S. Psikhoolanaliz i psikhoolarmarkizm // Psikhologiya i psikhotehnika. 2014. № 12. S. 1282-1292. DOI: 10.7256/2070-8955.2014.12.13347.
27. Shazhinbatyn A. Strukturnaya antropologiya K. Levi-Strossa // Psikhologiya i psikhotehnika. 2014. № 8. S. 803-812. DOI: 10.7256/2070-8955.2014.8.12572.